

той
лице:

Истинный сын
большим

ПИСАТЕЛЬ — это всегда целый мир. А мир сатирика — особый. Удивительный. Мир жизни через увеличительное стекло, через смех сквозь слезы, сквозь горе, трагедию. Ибо ничто так не сближено, как любовь и ненависть, как смех и трагедия, как день и ночь.

Среди крупнейших на земле литераторов не самый ли богатый этот мир у Николая Васильевича Гоголя — великого украинца и гениального русского писателя.

Гоголь появляется в ту пору, когда декабристы уже долбили руду в далеких сибирских коях, когда на русском солдате и украинском казаке, перед которыми стал на колени Наполеон, затянули ошейники крепостничества и приравняли их к собакам. Разгромленное и арестованное Кирилло-Мефодиевское общество уже маршировало за пределами Украины на плацах перед казематами, петрашевцы искупали «вину» на каторгах, а Тарас Григорьевич Шевченко готовился пройти сквозь палочный строй своего десятилетия в Орской крепости и Новопетровском форте.

Россия чванливого барства подчеркнуто отгораживается от своего народа. Барам чуждо все русское, родное, близкое: национальная одежда, обычаи, традиции, песни, язык и даже сам русский дух. Ведь «царь наш немец русский». От исконно русского «тятя» аристократия переходит к французскому «папа». Речевой аппарат вчерашнего россиянина настраивается заезжими гувернантками на иностранный лад, на легонькое грассирование — «смесь французского с нижегородским». Как тут «не власть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?» — уже после Ломоносова, Пушкина, Гоголя воскликнет с горечью И. С. Тургенев.

Язык детства Гоголя, язык его отца Василия Афанасьевича, украинского писателя, в те времена находился на пути к печальноизвестному валуевскому циркуляру с его смертным приговором: «Никакого отдельного малороссийского языка не было, нет и не может быть». Однако все это впереди.

Но существует и другая Россия. Россия простого и свободолюбивого народа. Россия, в жилах которой течет горячая, бунтарская кровь. Кровь Рылеева и Пестеля, Сергея Муравьева-Апостола и Радищева, Бестужева-Рюмина и Одоевского. Именно к этой России «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий» после Пушкина приходит украинец Гоголь, чтобы стать великим русским поэтом, сатириком и драматургом. Приходит, чтобы существенно углубить, укрепить первые основы демократичности и реализма русского языка, решительно сблизить язык литературный с языком народным, о котором со временем тот же Тургенев скажет: «Ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык». Язык, который еще позже назовут языком Пушкина, Гоголя, Льва Толстого.

В ЖУРНАЛЕ «Отечественные записки» (1830 г.) появляется повесть Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» из его цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», где употреблено более 200 украинских слов.

В этих повестях не только горячая любовь к родной Украине, а и поразительное знание народного творчества, песенного богатства, традиций, обычаев, истории... Первый восхищенно искренне откликается на них Пушкин. С тех пор он становится для

ВЕЧНО НАШ

К 175-летию со дня рождения Н. В. Гоголя

Гоголя советчиком, критиком и другом. А дальше — «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь, или утопленница», «Страшная месть». Повести эти пересыпаны искрометным гоголевским смехом, полны глубокого лиризма, любви к работающему, свободолюбивому народу, породившему и вырастившему самого Гоголя.

Еще ярче проступают реалистические тенденции в последующих его книжках — «Миргород», а потом в «Арабесках». Не тут ли, в «Арабесках», Гоголь впервые засмеялся сквозь слезы. Не это ли дало Шевченко основание написать:

Ти сміється, а я плачу,
Великий мій друже.

Повесть «Тарас Бульба» буквально всколыхнула Россию. Белинский писал: «Гоголь исчерпал в ней (в повести — О. Ч.) всю жизнь исторической Малороссии и в прекрасном художественном творении навсера воплотил ее духовный образ».

Но в этой повести Гоголь не только «исчерпал всю жизнь исторической Малороссии». Он в образе Тараса Бульбы показал стремление народа к воле, к своей независимости, к братству. Сынняя любовь Бульбы к отчизне, к народу стала духом всех свободолюбивых людей. В этой повести, как ни в одном произведении до Гоголя, никем еще не обрисован с такой художественной силой дух патриотизма. Она и сегодня учит по-настоящему любить свой народ, быть верным сыном Родины и всегда оставаться с ней, в самые тяжкие ее минуты, в горе. Повесть эта дорога сердцу каждого украинца и русского человека, грузина и армянина, дорога всем тем, кто, помня свое прошлое, свято верит в светлое будущее. В этом интернационализм Гоголя. Низкий поклон ему!

Казацкий Вальтер Скотт, как прозвали Николая Васильевича Гоголя современники, становится поэтом дух братских народов. Учит и

смеяться, и плакать, задумываться о своем прошлом и будущем. Великий царедей смеха и слова, беспощадный сатирик своего времени, он до своих бессмертных «Мертвых душ» был лишь на подступах к этому.

Украина, ее быт, история, культура привлекали внимание всегда. Но после «Вечеров...», которым судилось стать всемирно известными, после «Тараса Бульбы», которому предстояло промчат по всей планете, — это внимание к Украине становится просто массовым. В результате такого увлечения в русской литературе (да и в польской) возникает так называемая «украинская школа». У одних этот интерес, по определению Олеса Гончара, был «внешним», экзотическим, у других более углубленным. Многие тогда обращали взоры к этой полузагадочной земле с ее своеобразной и самобытной культурой, где еще недавно клочковало вольное казачество, где крепостное рабство еще не вошло во все поры души.

С Гоголя начинается реалистическая русская проза. Творческий гений Гоголя как писателя-реалиста и художника поднял на новую высоту традиции русской литературы, которые развивал Пушкин, а также культуру русского языка. На страницах сочинений Гоголя язык расцвел новыми, неизвестными прежде красками. В устах его героев речь зазвучала и поэтично, и демократично.

«Украина — это вторая Эллада», — скажет известный русский поэт Василий Андреевич Жуковский. И в подтверждение добавит: — Я знаю край, где все обильем дышит...»

В эти строки Жуковский вкладывает любовь и к ласковой южной красоте Украины, и к ее изобилию, и к богатейшему фольклорному мифологическому миру с его виами, домовыми, ведьмами, басаврюками, мавками.

На Украину «за экзотикой» отправляются русские

прозаики. Но мало кому из них довелось остаться в литературе рядом с Пушкиным, Рылеевым, Гоголем. Не многим из них посчастливилось утвердить и увековечить украинскую тему в русской литературе так, как это сделали Рылеев в своих думах и в поэме «Наливайко», Пушкин — в «Полтаве», Гоголь — в «Вечерах...» и «Тарасе Бульбе».

Гоголь принадлежит не одним нам — украинцам и русским. Как истинный сын своего народа он в одинаковой мере принадлежит всем народам мира. Ибо тот, кто вышел из народа, кто по-настоящему любил свой народ, никогда не лукавил с ним, — тот остается сыном и других народов: со своей болью, страданиями, любовью, ненавистью и смехом. Таков удел всех гениев человечества. Их берут на постоянную прописку все народы земного шара. Приглашают их в свои хрестоматии, в свои аудитории и в свои школы.

«Все мы вышли из «Шинели» Гоголя», — сказал Достоевский, имея в виду и себя, и Салтыкова-Щедрина. Мы же этот список можем продлить: ...и Некрасова, и Чехова, и Булгакова...

А разве современные украинские романисты не выросли из Гоголя? Вспомним хотя бы зимерные романы Александра Ильченко, Павла Загребельного, Евгения Гуцало, Владимира Яворивского. Разве не от Солопия Червика и Рудого Панька пошла эта проза? Почему же мы теперь иногда твердим, что это — от «фольклорной прозы» стран Латинской Америки; от Карпентьера, от Астуриаса и, конечно, от Маркеса, хотя сам Габриэль Гарсия Маркес говорит, что он пошел от Гоголя; от его «Вия», перенеся фольклорную мифологичность своего народа на национальную латиноамериканскую почву.

О ГОГОЛЕ написано и много, и мало. Такая парадоксальность характерна для любого гения. Ибо гений — это остров, который ты всю жизнь открываешь для себя. Творчество Гоголя — целый материк. Если б сегодня на площади мира пришли памятники литературным героям, то самой обитаемой была бы площадь, заселенная хотя бы отрицательными литературными героями Гоголя — тут нашли бы место Хлестаковы и Чичиковы, Коробочки и Ноздревы, Собакевичи и Плюшкины...

Творчество Гоголя переживет своего создателя на века. Его мы всегда воспринимаем по-новому, открываем по-новому. Гоголь в ваши 16 не такой, как в ваши 32, в 32 — не такой, как в 50. И это закономерность.

Творчество Гоголя — вечное открытие и вечная загадка. Как и сам Гоголь. Вспомним хотя бы его переход от бессмертных «Мертвых душ» к сомнительным «Выбранным местам из переписки с друзьями». Или первую часть тех же «Мертвых душ» и — сожжение второй части поэмы. Что это? Вечное недовольство собой гения? Возможно. А недовольство жизнью?

Он безвременно ушел из жизни. Да. Но не в небытие, а в вечность, в бессмертие.

Гоголя мы открываем ежедневно. Творчество его воспринимаем, как отшлифованный великим мастером бриллиант, сверкающий для каждого из нас нашим любимым цветом.

Олег ЧОРНОГУЗ.
Председатель комиссии сатиры и юмора Союза писателей Украины, лауреат Республканской литературной премии имени Остапа Вишны.